

Анна Эвдо

ЦВЕТ
ЛЮБВИ — МЫ

История моей любви

Анна Евдо

Цвет любви – МЫ

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Евдо А.

Цвет любви – МЫ / А. Евдо — «Издательство АСТ»,
2024 — (История моей любви)

ISBN 978-5-17-183023-6

Для Клима всегда всё было ясно и чётко. Чёрный и белый. Понятный серый. Остальные цвета означали сплошную выдумку, не имеющую ничего общего с реальностью. Вот только веснушки Роры на самом деле напоминали ржавые пятнышки и россыпь крохотных мандаринов, хотя сама она точно не являлась плодом воображения. Он помнил её мелкой соседской девчонкой, упорно оставляющей рисунки на его автомобиле. А она вдруг превратилась в загадочную девушку, которой удалось разбавить его сердце своими акварелями.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-183023-6

© Евдо А., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анна Евдо
Цвет любви – МЫ

© Евдо А., 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Глава 1

– *Сучок разбухший!* – выпалил Клим, ударив по тормозам, и крепко сжал руль.

Перед ним внезапно попытался втиснуться блестящий паркетник, который вела разма-
лёванная моделька с раздутыми губищами.

– Заподмигивала теперь «простить-понять», *блоха!*

Клим даже не выдохнул, а выдул воздух. В горле в прямом смысле запершило от невы-
сказанных слов. Он перегнулся к заднему сиденью и вытащил из пакета бутылку воды. Жадно
отпил сразу треть, внимательно наблюдая за манёврами чуть не чиркнувшей его идиотки.

Непроизвольно подумал о Милане. Как же её не сравнивать с остальными, когда она и с
виду девка красивая, и умом природа её не обделила.

Вот уж кто точно знает, на что его взять. Парень он честный, к тому же азартный. Что
есть, то есть. Сама Мила самоотверженно выдержала неделю без всяких «заек» и писклявого
голоска, теперь с него причитается неделя без мата и нецензурных выражений. «Хоть рот заши-
вай и мычи, *песец!*» – Клим невесело ухмыльнулся.

Хохотала в голос, зараза! Потому что уверена, что он не сольётся и даже наедине с
самим собой сумеет сдержаться. А не сумеет, значит, признается и получит штрафное зада-
ние. Его получать как раз совсем не хотелось. Лучше рот реально скотчем заклеить. С Милы
станется запросить что-нибудь мимишно-утипушное, а там он точно пас. Выбор между мол-
чуном и соплежуйным дебиллом изначально предопределён. Без вариантов. Ничего! Потерпит
семь дней, вспомнит литературный запас великого и могучего. В конце концов, оправдает так
недальновидно данное матерью имя.

Вообще, Клим означало «спокойный, миролюбивый». Только с его характером вышла
конкретная осечка. Не Клим он. Клинт. Кликуха подходила ему идеально. «Климат» тоже зву-
чало нормально, но это обращение было только для узкого круга. Знающие люди, не входя-
щие в этот список, не рисковали так называть Клима даже за спиной, иначе погода вокруг них
сильно портилась.

Милка недаром была уверена в его честности, хотя сама периодически грешила обманом
и недомолвками по мелочам. Юлить и врать Клим не умел и не хотел. Ложь всё равно вскры-
валась, да и самому в ней запутаться – раз плюнуть. Враньё всегда нарастает как снежный ком,
а затем смыкает беспощадной лавиной. Поэтому Клим предпочитал переть напролом, напря-
мую, тем самым клином.

Он не спешил трогаться с места, выдерживая расстояние больше необходимого между
собой и девицей со свистком в пол-лица. *Заершишь!* Пусть христовая едет подальше от него.
Бережёного, как говорится, Бог бережет. Тем более что автомобиль, который Клим перегонял,
красавец, помеченный четырьмя кольцами, должен был оставаться в идеальном состоянии.
Деловая репутация, качество и уровень услуг стоили гораздо дороже нескольких потерянных
минут и сотни нервных клеток.

Клим взлохматил непослушные тёмно-русые волосы. Глянул мельком в зеркало заднего
вида. Автомобиль за ним тоже не торопился. Клим прищурил зеленоватые глаза и сдул чёлку
со лба.

Пора наведаться в парикмахерскую. Давно волосы так не отрастали. Мила скоро начнёт
ему во сне дурацкие гульки на темени крутить и детские резиночки с заколками нацеплять.

Машины тронулись, но парень справа от Клима тоже притормозил. Они обменялись
понимающими взглядами. Деваха везде успела засветиться диагональной ездой и своими лепё-
хами.

Клим вспомнил, как Милана однажды нарисовала такие бровищи, что он трое суток с
ней не встречался. Без обид тогда заявил, что подождёт, пока лишнее смоеется. Красивая же

девчонка, какого *хереса* себя специально уродовать, а из него делать слепого придурка. Мода модой, но в зеркало хотя бы иногда надо смотреть критичным взглядом. Мила подулась, раскрас притушила и больше таких бросающихся в глаза экспериментов не вытворяла.

Вообще, она нормальная. Сколько они встречаются уже? С полгода примерно, и месяц, как съехались. Он её не продавливает, но она как-то сама подстраивается под Клим. Женская натура всё же более гибкая, зато их обоих устраивает. Хотя он мог бы поклясться: Милка ждёт, что он изменится. Не действует в лоб. Если чувствует, что перебор устроила, заднюю включает или на тормозах спускает, но всё равно нет-нет да и придумает что-то: то попросит, то спор смешной по-серьёзному затеет. Такой, как сейчас, например. Клим на неё не сердился. Её женская интуиция сбоев не допускала. Милана действительно его знала, да и он сам согласился. Раз дал слово, значит, сдержит. Побудет благовоспитанным молодым человеком. Милку порадует, опять же. Иногда можно потерпеть временные неудобства.

Трудности никогда не пугали Клим. С двенадцати лет он вместе со старшими парнями безвылазно торчал в гаражах, среди мопедов, мотоциклов и машин. Его это – копать в движках, ремонтировать, отлаживать. Водить, получая особенный кайф, словно каждый раз за рулём он приручает автомобиль вместе с дорогой. Они становятся спетым, сработанным трио, в котором нет соперников – только соратники.

Клим любил подбирать и искать требуемое. Иногда приходилось поохотиться, чтобы достать нужную деталь, но оно того стоило. Многие из того, чем он занимался, незаконно, порой опасно, не без этого. Зато учит такому, чему ни в одном институте не научат, и людей на раз проверяет.

Светофор переключился. «Губы» свернули, начисто забыв про поворотник, и, уже освободив полосу движения, нервным тиком врубили аварийку. Клим тронулся с выдохом облегчения, не отказав себе в удовольствии посигналить вслед самоустранившейся помехе, которая, без сомнений, приняла внимание за комплимент и послала смачный воздушный поцелуй в его сторону.

– *Пизанская ты башня*, – процедил Клим, прибавляя скорости.

Машинка-мечта послушно полетела вперёд. Если бы он не любил так давно и так преданно свой автомобиль, забрал бы этот себе. Люксовые тачки Клим всегда перегонял сам. Расстояние и время не имели значения. Он переносил встречи и менял планы, но никогда не поручал их другим ребятам. Помимо внешней атрибутики и внутренних наворотов, в таких машинах была та самая статья, которая отличает настоящую породу. Они благородны. Без суеты и напыщенности. Им не нужно лезть из кожи вон. Они суть и ориентир сами по себе.

Клим был парнем простым. Как говорится, главное, что сытый и не босый. Но чуйка на неподдельную мощь и цельность без красования и показухи у него всегда работала как на людей и животных, так и на машины. Они вызывали бесспорное уважение. Везде и всегда.

Можно пойти выбросить мусор. Шавки сразу несутся и крутятся под ногами у контейнеров, тьякают, трутся о ноги и просят подачку, а одна стоит поодаль, ровно, не шелохнётся. У самой рёбра торчат, но ни звука, ни движения. Голод её гонит и требует, но она его приструняет. Аристократка до самой мелкой шерстинки.

Таким образом Клим и взял свою Леди год назад. Без паспортов и родословной, зато умнее, воспитаннее и преданнее зверя не найти. Дворянка-бастардка, но кровь-то не водица и стержень титановый в характер с рождения заложен.

Закинул тогда пакет с мусором, руки отряхнул и медленно к ней подошёл. Она не дёрнулась, не присела, прижав уши. Вытянулась вся в струнку, и уставилась глаза в глаза, в упор. Он к ней руку протянул. Она понюхала и, до сих пор Клим готов поклясться, что совсем чуть-чуть, но склонила голову набок: мол, что дальше? Он её не задел. Показалось, неуместно и пошло будет, если потреплет между ушами. Руку опустил и сказал, глядя в умные собачьи глаза: «Пойдём домой».

Именно уважение и самоуважение Клим всегда ставил во главу угла. Без них была невозможна ни дружба, ни работа, ни общение, вообще ничего. Лизать зад он никому не собирался, как и терпеть в своём окружении тех, кого не уважал.

Немедленно вспомнился Иван. Старший товарищ и наставник Клима. Поверил в пацанёнка в своё время. Разглядел в двенадцатилетнем сопляке потенциал, как любил говорить. Год уже живёт в тёплых краях. «Надо всё же выбраться к нему на недельку», – подумал Клим. В своё время Иван казался ему, мальчишке, невероятно и недостижимо взрослым, хотя на тот момент Ивану было всего двадцать лет. Климу самому теперь двадцать четыре. Считай, уже полжизни крутится в этой сфере. Порой сам себя воспринимает старым, но случаются и вполне мальчишеские выкрутасы. Он уверен, что с Иваном они точно не будут на пляже с шезлонгов ноги в прибое мочить, а устроят взрослый разгул с пацанским размахом. Старший наставник давно с Климом на равных, но навсегда останется для него Иваном – именно полным именем, никак иначе.

Клим загнал автомобиль в гараж. На завтра уже назначено время его передачи владельцу. Весь сегодняшний вечер получался свободным. «Как раз успею на бабушкину квартиру заскочить, – пробежался по дальнейшим планам Клим, пока закрывал гараж. – Заодно родные пенаты проверить, со смотрящими мальчишками перетереть за жизнь и насущные проблемы, стоянки, опять же, очно осмотреть – давно не навевывался».

Он уже купил собственное жильё, но с бабулиной хатой в доисторической хрущёвке расстаться никак не получалось. В ней будто бы до сих пор витал сводящий с ума и башку, и желудок запах булочек с изюмом, жжёного сахара и самодельных петушков, которые они поочередно лили вместе с бабушкой: ложкой со специально продавленным желобком по центру на расстеленную фольгу, делая кривые монетки-леденцы, и вlepляли в них зубочистки. Именно там до сих пор спалось беззаботным глубоким сном. Даже шею, заклинившую от долгого сидения за рулём, произвольно отпускало в стенах этой квартиры.

Пару лет как Клим начал её сдавать. Тщательно выбирал квартиролюбителей. Их сменилось немного, но перед каждым новым заездом он ночевал в той самой спальне, из которой подростком сбегал по ночам. Крепкий тополь у самого окна был надёжной лестницей со второго этажа.

Никаких нареканий на жильцов раньше не поступало, а этим утром прилетел нежданчик, *бляшки-баклажки*: звонок из обслуживающей дом конторы о том, что якобы жалоба на них поступила от соседей. Говорить возмущённые хотели только с хозяином, наотрез отказываясь идти на прямой контакт с жильцами, поэтому придётся ему ехать и разбираться на месте.

Как раз воспользуется случаем без предупреждения проверить якобы заброшенные тупики с дворовыми арками, ставшими несквозными без каких-либо официальных разрешений. Его ребята содержали их в относительном порядке, чтобы ни у жителей не возникло соблазна пожаловаться на недосмотр коммунальщиков, ни у чиновников глаз не загорелся погонять незваных активистов по инстанциям с заведомо конкретной поправкой на бюджет. Клим использовал такие закутки в старых спальнях районах для передержки машин, оценки фронта работ, да и спрятать вот так на виду порой то, что нельзя светить, было реально.

Клим сел в свой автомобиль. По давней привычке погладил руль. Будто по холке потрепал, как ухоженного резвого коня. Чёрного, лоснящегося, чистого и окружённого заботой. Потому и не подводил он его ни разу.

«Пойдём вечером в кино?»

Это Клим отправил Милане, по которой действительно соскучился. Всё же всю рабочую неделю провёл в разъездах. Сделает Милке приятное, так она ночью стоворчивее будет.

«Уже выбрал?»

Ответ от неё не заставил себя долго ждать – краткий и с надеждой, что выбор будет за ней, раз Клим сам предложил.

«Выбирай любое, кроме слезливого икания»,

Клим не удержался он от уточнения, потому что всё равно загодя проверил фильмы, заявленные в афише.

Он подумал об этом без сожалений. Клим тоже хотелось провести приятный вечер, без напрягов. Пора расслабиться, чтобы обоим было в кайф.

«Даже тупая комедия???»

Клим вздохнул и с мыслью: «Мил, давай без перебора», – набрал ответное:

«Любое, кроме пупсиков с одышкой
и коровьими глазами».

Погасил экран телефона и выехал на дорогу.

Глава 2

Липы уже отцвели, но их запах настолько неотделимо был связан с бабушкиным домом, что Клим заранее открыл окна и вдохнул полной грудью, заезжая во двор. Заметил, как тут же спорхнул со спинки ветхой скамейки тощий мальчишка и исчез в одном из подъездов. Усмехнулся. Он сам так начинал. Жутко злился, когда бабуля загоняла его домой поесть, вынуждая покинуть доверенный ему пост. Он не глотая запихивал в себя обед или ужин, хватал пару ломтей хлеба про запас и нёсся обратно.

Клим заглушил двигатель, вышел из салона и привалился к дверце.

Многие старые дворы в городе уже переделали и модернизировали. Они обрели мусорные контейнеры на колёсах, новые лавки, детские площадки, выделенные и геометрично разлинованные парковочные зоны. А двор его детства превратился в капсулу времени.

Входные двери без подъездной группы губошлёпо распахивались прямо из стены. Дом местами подслеповато пялился на происходящее сквозь старые облупившиеся деревянные оконные рамы. Покосившаяся и казавшаяся некогда высоченной железная горка вросла в землю и походила на согнувшуюся старуху с кривой спиной, но ясной памятью. Водители здесь воевали за место на пешеходной дорожке или прямо на вытоптанном газоне под раскидистыми деревьями, которые создавали естественную тень над большей частью территории. По их толстым раздвоенным стволам лазили кошки и дети. Жильцы самостоятельно спиливали разрасставшиеся ветки, устраивали посиделки под густыми кронами за собранными из подручных досок столами и до сих пор знали друг друга в лицо и по именам.

Клима никто не ждал, но заметили сразу все. Полупустой двор ожил. В подвале мелькнула чья-то макушка. Заскрипели металлические пластины допотопного гаража-ракушки. С разных сторон появились четверо подростков. Они не приближались, но явно обозначали своё присутствие. Из подъезда, где скрылся малец, вышел рослый парень и направился к Климу.

– Каким судьбами, Клинь?

Они пожали друг другу руки.

– Жалуются, Коль, – нейтрально проговорил Клим, вытаскивая сигарету из предложенной пачки.

Курить он не хотел. Но, во-первых, не каждый может вот так запросто угостить начальство куревом, и подобный жест для собравшихся зрителей подчеркнёт авторитет Колоса – Колосова Кольки, увальня из параллельного класса, которого Клим часто задирали в детстве, пользуясь своей прыткой худобой. Во-вторых, размытые ответы почти всегда обнаруживают то, что собеседник хотел бы скрыть. Судя по тому, как Колос сжал пачку и дёрнул подбородком, получалось, что вовремя квартиросъёмщики Клима взбрыкнули.

– Так не на что у нас тут жаловаться. – Колос не стал возвращать вопрос и не ушёл в защиту с наездом: «Кто же и на что?».

Клим всё-таки прикурил, мазнув беглым взглядом по нахмуренному лицу Кольки: учится парень не паниковать раньше времени, но до актёра ему, как Климу до танцора.

– А чего зубами заскрипел тогда?

– Клинь... – Колос сделал глубокую затяжку. – Если соседские накапали, так это у них там залётные катаются как у себя дома. Мне своих забот хватает, чтобы ещё за ними бдеть. У нас всё путём.

– Давай прогуляемся. – Клим отлепился от дверцы, демонстративно не закрывая машину на замок и не выставляя сигнализацию. – Выдыхай, Коль, я по квартире заскочил. Обойдём всё, и пойду разбираться. Не слышал, случайно, что там с верхним этажом не поделили мои жильцы, мамы-их-наверняка-хорошие-женщины?

– Про мам их не знаю, – растерялся Колос, сбитый с толку окончанием вопроса, и почесал затылок. – Кому могли эти ботаны помешать? Разве что формулы зубрили слишком громко с утра пораньше. Клинт, ты же не просил за ними приглядывать. Но я буду, без базара.

– Посмотрим. – Клим передёрнул плечами, отмечая краем глаза, что один из подростков остался возле его машины, а остальные, соблюдая расстояние, двинулись следом за ним с Колосом.

С проверкой управились довольно быстро. Клим поднялся на второй этаж, осмотрел дверь бабушкиной квартиры снаружи, вслушался в царящую за ней тишину. Покрутил в кармане ключи и отправился выше на четвёртый, гадая, кто из проживающих там столь настойчиво требовал встречи с ним.

Насколько он помнил, там жила мелкая юркая бабулька, похожая на седую кучерявую овечку-недоростка, застывшая в одном возрасте, который не поддавался определению, и её такая же носимая ветром внучка. Только девчонка была рыжей и прямоволосой. Видимо, пошла в неведомого отца, потому что её мать унаследовала блондинистую кудрявую шевелюру от своей матери.

Горе-мамашка появлялась хаотично в перерывах между мужиками, с которыми с завидным упорством пыталась устроить личную жизнь. Заваливала единственную дочь подарками, подкидывала денег. Отсыпалась несколько дней, но успевала для разнообразия соблазнить одного-двух юнцов в округе, вошедших в бурный пубертат. «Бесплатно открывала им взрослый мир, проводница *египетская*. Шма-ра», – Клим разбил последнее слово по слогам. Оно точно не относилось к запрещёнке этой недели. Затем благодетельница снова пропадала до очередного отпуска от *блуда*. Клим фыркнул, осознав, что уже не просто наобум заменяет матерки, а подбирает синонимы.

Ладная бабёнка, холёная. Глаза мутноватые. Такие обычно называют «с поволокой». Сочная, ловкая, с шустрыми пальцами, которым наверняка без заеданий подчинялись ремни и застёжки ширинок. Подкатила к нему однажды осенью на площадке между этажами, кутаясь в тонкий халат, который порнографически точно обрисовывал фигуру, явно не упакованную в нижнее бельё, и замурлыкала что-то про настройки климат-контроля. Отточенным движением забрала у него сигарету, пососала фильтр и поднесла обратно к его рту. Клим уставился на её полные губы, от которых шестнадцатилетнего пацана нехило так вело. А потом перевёл взгляд на поплывший след от помады на сигарете – и стало противно. Ведь ей было абсолютно всё равно, с кем и где. Он почувствовал себя вещью, которую эта *мадам* вбила себе в голову заполучить любым способом. Ужасно разозлился тогда. Послал её грубо, пытаясь намеренно задеть побольше, а потом ловил на себе её странные взгляды. По идее, она должна была хотеть прибить его за отказ, а смотрела как будто с уважением и... неприкрытой завистью. *Блондина* с глазами кошки, уже прожившей несколько жизней из отмеренных ей девяти.

Клим внезапно замер перед последним лестничным пролётом. Никогда раньше не задумывался, а тут вдруг торкнуло ни с того ни с сего: «В чём, собственно, разница между моей матерью и той соседкой-шалавой? Одна – порядочная замужняя женщина, на второй пробу ставить негде, а как матери – обе одинаковые кукушки».

Он стал постоянно жить с бабушкой с семи лет, как только пошёл в школу. Мать как раз вышла второй раз замуж. Отец Клим сразу после его рождения уехал на север за деньгой и геологической романтикой и больше не вернулся. Нашёл ли он там всё это или нет, да и жив ли вообще, было неизвестно, потому что в подробности развода родителей Клим не вникал, будучи тогда слишком мелким. Став же взрослым, решил, что отношения родителей его не касаются. Отца он не знал, алиментов или дежурных подарков на день рождения от него не получал: скинул человек семечку и исчез, будто ветром сдуло. Хотя так оно лучше, чем, как дружбан Клим Федька получать из года в год по тому никому не нужной энциклопедии на

день рождения и сочинять несуществующие письма от отца сыну, лишь бы побравировать тем, что его-то не бросили.

Отчима же мать оберегала от общения с Климом. Тот не любил детей, много работал и жутко уставал, чтобы ещё в личное свободное время терпеть рядом непослушного, своевольного чужого мальчишку.

Мать навещала их с бабушкой регулярно по воскресеньям до обеда. Благо, не с семи утра. Всегда причёсанная, подкрашенная, в платьях, на которых никогда не возникало ни единой складки, она первым делом пролистывала школьный дневник Клима, проверяла тетради, а затем таскала сына по выставкам и музеям, иногда – и вот такие выходы были ему действительно в радость – водила в цирк или зоопарк.

Однажды он уговорил её сходить в кино. Только ему, второклашке, хотелось посмотреть мультик, а мать категорически отмела эту глупую идею и купила билеты на какую-то унылую говорильню. В итоге Клим уснул, с трудом выдержав полчаса, за что получил выговор от матери и был лишён сладостей. Его не задело ни то, ни другое. Мать воспитывала его каждое воскресенье, выдавая одной порцией всё то, что у его друзей растягивалось на неделю. А магазинные сладости он не любил, как и бабушка. Хотя подкупал ими младших пацанов, заставляя выполнять его поручения, или угощал симпатичных и невредных девочек в школе, а бабуля выставляла их к чаю под тополями с соседками.

Кстати, бабушку тоже не задевали нотации от его матери. Она молча выслушивала замечания и наставления от дочери, убирала в шкатулку выданные на неделю деньги и вручала список малых вещей или того, что требовалось к школе. Клим как-то спросил бабушку, зачем она просит у матери одежду для него. Ведь они и сами вдвоём запросто могут пойти и всё купить, к тому же некоторые вещи с осени, например, спокойно можно было донашивать весной. Бабуля взлохматила ему волосы и ответила, что, если в человеке ещё слышен голос совести, не стоит помогать его заглушать. Клим тогда мало что понял, но уточнять не стал, потому что бабушка не была болтушкой. Её слова точно что-то значили, и со временем он их осознал. Вот и про голос совести уже три года, как бабушка умерла, осознаёт. Во всяком случае, пытается.

До его восемнадцатилетия материнские воскресенья продолжались без пропусков, но не ради неё он на них присутствовал, а ради бабушки, которая редко что-то требовала от внука, но тут была непреклонна. После совершеннолетия он выдохнул и упрямо занимался своими делами, воспринимая визиты матери как некую данность, которая вшита в воскресенье. Раньше она ограничивалась максимум четырьмя часами, но вдруг стала задерживаться, иногда даже дожидаясь возвращения Клима с ночёвки вне дома или спонтанной поездки за город.

После похорон бабушки мать отдала ему свои ключи и подтвердила, что не будет оспаривать завещание, по которому квартира переходила Климу. Личные встречи по воскресеньям заменились телефонными звонками. Всегда звонила она. Клим набирал её сам только в день её рождения. Больше звонить нужды не было: мать не навязывалась, а он привык жить без неё. А на первую годовщину смерти бабули та самая совесть, будь она неладна, неожиданно сподвигла Клима позвонить самому и предложить вместе съездить на кладбище утром. Мать сразу согласилась.

В дороге они молчали. У могилы тоже настроения поговорить не прибавилось. На обратном пути мать пригласила его в кофейню помянуть бабушку блинами. Теперь уже согласился он. Клим оплатил заказ, пока мать доставала кошелёк. Поели быстро, обменявшись ничего не значащими фразами о вкусе кофе и еды. На выходе неловко помялись на прощание, и мать всё-таки воровато тронула его за рукав. Сама вздрогнула от непривычного жеста и попросила подумать, можно ли устраивать такие встречи в кафе раз в неделю, но в удобное для Клима время. Он еле сдержался, чтобы не спросить язвительно, что скажет о таком свободном графике её муж, но бабулин голос в голове, напоминающий о том самом эхе совести, его остановил. И покоя не даёт по сей день, заставляя к концу недели выкраивать час на встречу с матерью.

Клим очнулся от раздумий. *Какого хутора?!* Гулко хлопнул по шатким перилам, рассердившись на себя за несвоевременные нюни. Перемахивая через ступень, поднялся на нужный этаж и вдавил кнопку покрашенного в цвет стен звонка.

Глава 3

– Трезвонишь так, будто воевать явился!

Дверь бесшумно отворилась, и Клим подзавис под пристальным взглядом двух пар глаз. Соседка-овечка, казалось, усохла до ягнёнка, и лишь пружинистые кудельки остались прежними.

«Кудельки??? *Опунеть!* Спасибо, бабуль, за стариковский сленг, – подумал Клим, уставившись на усевшегося у порога кота линялого бежевого цвета. Здорового, особенно на фоне лилипутской хозяйки, пушистого... и тоже кучерявого. – *Блин!* Химку ему, что ли, делают? Не бывает же волнистых котов».

Несуществующий кот спокойно себе существовал и, не мигая, смотрел на чужака.

– Не бойсь, Климка, не живодёрю. Кот от природы такой. – Старушка удивительно легко сгребла тяжёлую тушу и прижала к груди. – По породе ему полагается каракулевая шерстка, да, Братишка?

Клим окончательно прифигел: «Походу, мне забил стрелку кудрявый кот Братишка».

– Что за порода? – спросил он ради того, чтобы не стоять идиотом, не зная, что сказать.

– Какой-то рекс¹. – Бабулька отступила в глубь коридора и замахала Климу, чтобы он заходил. – Полное название не назову, не обессудь. Рекса-то запомнила, потому что знаю такую собачью кличку. У Авроры потом спросим. Она расскажет.

Соседка шустро засемила в кухню в конце коридора, продолжая говорить: – Дверь захлопни, разувайся, чай будем пить.

Клим собирался быстро выяснить, какие возникли проблемы с его жильцами, а не расслаживаться за чаем в странной компании, но не стоять же в полумраке тесного коридора, крича вслед женщине, исчезнувшей вместе с котом в недрах кухни. Он скинул обувь, оставил на вешалке толстовку и направился на звон кружек.

За маленьким овальным столом уже сидел кот, заняв явно предназначенное ему место на стуле. Подложенная под лохматый зад пухлая вязаная думка – и снова спасибо бабушке за словечко – приподнимала круглую морду над уровнем столешницы.

– Садись. – Хозяйка кивнула Климу на второй стул и передвинула к столу из угла добротную табуретку. – Если руки надо помыть, то можно и тут, – указала на раковину и тут же сунула ему вафельное полотенце.

Клим начал закипать. Ему давно никто не указывал, что и как делать, а тут какая-то тощая бабуся за пару минут затащила его на кухню и усаживает распивать чай вместе с котом, которому как ни в чём ни бывало ставит под нос плоску сметаны.

Алиса, блеск, в Стране Чудес! И Алиса тут, походу, именно он сам, так как пока ни *хумуса* не понимает, что происходит.

Клим закинул полотенце на спинку стула и встал, разом заполнив всё небольшое свободное пространство.

– Дотянись-ка до верхней полочки, раз уж вскочил. – Старушка распахнула дверцу навесного шкафчика. – Сахар у меня там стоит. Сама-то я его редко ем, вот и убираю подальше. А ты и с пола достанешь, вон какой парень вымахал! Даром Валюша переживала, что ты туго рос.

Имя бабушки остудило раздражение Клима. Он снял с полки банку с сахаром, хотя не преминул огрызнуться:

– Не помню, чтобы вы с бабушкой общались.

¹ Порода Селкирк-рекс, официальный статус получен в 1992 г. Главная особенность заключается в уникальной шерсти, в которой сочетаются очень кудрявые, прямые и волнистые волосы.

– Юноши не обращают внимания на старух. Даже если вежливо здороваются раз в день, остальное время занимаются своими делами. И правильно. Зачем молодости старость? Всё успеется в своё время, – тараторила соседка, проворно расставляя на столе вазочки с вареньем, печеньем, орешками с варёной сгущёнкой и большие кружки с ароматным чаем.

От него шёл запах цветов и трав, которые в детстве они с бабушкой собирали в загородном парке, а потом сушили на газетах, так что Клим непроизвольно взялся за удобную ручку и вдохнул глубже.

– Смородина и шиповник, – ухмыльнулся он, заглядывая в кружку.

– Они самые. – Соседка придвинула к нему угощения. – Валя многое заваривала, а мне вот эти больше всех по вкусу. С бабушкой твоей мы подругами не были, но приятельствовали. Я Алевтина Васильевна, а то, вижу, не знаешь, как меня называть. Можно просто баба Аля.

Соседка присела на табуретку, сложила руки на коленях и стала похожа на кота, как и он, едва выглядывая из-за стола.

– Баб Аль, вы же меня вызвали не вкусняхами кормить. – Клим отпил чая и внимательно посмотрел в белёсые глаза напротив. – Что мои постояльцы натворили?

– Ничего они не натворили, Клим. – Баба Аля не отвела взгляда, который вдруг сделался печальным. – Помощь мне твоя нужна. А как по-другому тебя найти – не придумала.

– Помогу, если смогу, – ответил Клим, чувствуя себя ещё более озадаченным, чем раньше: бабуля-то оказалась с фантазией, *ёкарный бабай*.

– Сможешь, только ты и сможешь, – тяжело вздохнула Алевтина Васильевна и соскользнула на пол. – Пей чай, пока не остыл совсем. Сейчас вернусь.

Клим зыркнул на неотрывно наблюдающего за ним кота, но тот и ухом не повёл.

– Кто ж тебя, кудрявый, назвал так странно?

– Рора у нас выдумщица. Вообще его величают длинно, на иностранный манер, а по-нашему – Братишка. Такой и есть, – донёсся голос бабы Али, и сама она появилась на кухне. – Внучку мою наверняка помнишь, хотя она младше тебя почти на шесть лет.

– Рыжая девчонка, вечно с альбомом. Рисовала везде, где могла. Да и где не могла, тоже, – кивнул Клим, всем видом показывая, что нетерпеливо ждёт не новых загадок, а внятных пояснений.

Баба Аля водрузила на стол какую-то громоздкую стопку, и Клим в очередной раз удивился силе, которая таилась в тщедушном теле и иссохших руках. То, что показалось ему несуразной книжкой, оказалось толстой, распухшей тетрадью на кольцах. Её тёмно-синяя обложка местами истёрлась, края обтрепались. Между страницами были вставлены картонки, распирающие переплёт ещё сильнее.

Баба Аля погладила тетрадь и подтолкнула её к Климу.

– Ты сейчас очень нужен моей веснушке.

Клим нахмурился, не скрывая недоумения и откровенно сомневаясь в здравомыслии бабули.

– Да не супься ты. Полистай денёк. – Она отдернула руку и прижала обе ладони к груди. – Если Рора узнает, страшно на меня рассердится. Она думает, что я не знаю, где её тайник. Но я её бабушка и очень её люблю. Никогда бы не залезла в столь личное, но сейчас так надо. Однажды уже не переступила я через себя и упустила Ариану, дочь. Не хочу повторения той же ошибки, только, возможно, ещё более страшной. Прощу тебя, Климушка. – Бледные глаза в рамке глубоких морщин вдруг вспыхнули молодым, ясным голубым огнём. – Она же солнечный зайчик. Помоги мне не дать ей погаснуть.

– С ней что-то случилось? – попытался уточнить Клим.

– Сначала посмотри и почитай. Главное, посмотри и не затягивай. – Баба Аля вытащила из кармана домашнего платяного далеко не древний телефон и положила его рядом с тетрадью. –

Запиши мне свой номер и возьми себе мой. Как поглядишь дневник Роры, позвони. Я отведу тебя к ней.

Клим медлил, прекрасно понимая, что заднюю уже не даст, хотя вроде как ни на что пока не соглашался. Начни баба Аля уговаривать его дальше и тараторить без умолку, как прежде, он бы ещё подумал взбрыкнуть. Но она лишь стояла, не шелохнувшись, и ладошки свои костистые стискивала так, что кожа на них грозила полопаться.

– Не знаю, на что я только что подписался, но посмотрю. – Клим подхватил телефон. Забил свой номер и позвонил себе. Сбросил вызов, сохранил новый контакт и поднялся, забирая со стола тетрадь.

Обложка оказалась необычайно мягкой на ощупь. «Видимо, настоящая кожаная, откупом дочке от шальной мамы», – оценил Клим и застыл на месте. Его руки одновременно коснулись прохладные женские пальцы, а об ногу потёрся тёплый кошачий бок.

– Спасибо, Климушка.

Он растерялся, грубовато пробурчал, что пока не за что, и поспешил на выход.

Клим пересёк двор, отсалютовал Колосу, бухнул тетрадь на переднее сиденье и сел за руль, стараясь не смотреть на разъехавшиеся страницы. Оставил позади пару кварталов и резко завернул в первый свободный парковочный карман. Прикрыл глаза, быстро считая в уме. Материться хотелось до зуда на языке. Все приличные слова повывлетали напрочь, остались только цифры. Он складывал их в числа, сбивался, но не останавливался. Немного отпустило, когда перевалил за вторую сотню.

Клим терпеть не мог, когда им пытались манипулировать. Ни старшие, ни младшие, ни ровесники. Первым он обычно дерзил и не уступал, вторые его зачастую боялись, а третьи либо знали своё место, либо недосчитывались зубов. Только баба Аля эта бравировала, а у самой душа вылетала, как у зайца, который хорохорится перед волком. Клим ударил по рулю и покосился на тетрадь. Грубо затолкнул обратно внутрь одну из картонок, готовую вывалиться наружу.

Соседка боялась не его, чем и осадил первый порыв свалить из её квартиры без объяснений. Она боялась за худую конопатую девчонку, которая, как помнил Клим, постоянно пряталась за длинными распущенными рыжими волосами и всё время рисовала. Боялась, что он откажется и уйдёт, вот и атаковала его с порога, используя дезориентирующую кошачью морду и ссылаясь на его бабушку. А тех, кто за своих стоял горой любыми способами, Клим уважал.

Он взъерошил волосы, подхватил тетрадь и примостил её на коленях, оперев о руль. «Неужто пошла по рукам, как мамашка? Если так, то идите вы обе в *пихтовый* лес!» – процедил сквозь зубы Клим, откинул мятую обложку и осёкся.

Весь форзац был исписан ровным овальным почерком: имя «Аврора» в разнообразном исполнении, как будто автор долго и усердно подбирал вариант подписи и вензеля, украшая, выделяя, переставляя буквы и подбирая завитушки. Но внимание Клима привлек рисунок на первой странице, не в привычную клеточку или линейку, как во всех тетрадях, а чисто белой.

Он рассматривал его, а сам проваливался в прошлое.

– Что б... тебя... малява! – выругался Клим, рванув к автомобилю.

Ему стукнуло восемнадцать. Он официально получил права. Иван выписал доверенность на машину, движок которой Клим собственноручно перебрал. Большие можно было не ныкаться по дворам и не ездить втихушку под прикрытием старших, хотя почти три нелегальных года за рулём он всё равно засчитывал в водительский стаж.

Подбежал тогда и резко затормозил, продолжая неразборчиво поминать всех родственников замершей перед ним мелкой соседки. Он моментально разозлился, потому что никто не смел трогать его вещи, но никак не мог прекратить разглядывать рисунок вблизи.

Вышло-то и правда красиво. Никаких девчачьих сердечек или цветочков. На чёрном крыле его автомобиля белыми завихрениями разрастался мощный смерч. Тонкими линиями, где-то чёткими и плавными, местами отрывистыми и смазанными, он стремительно набирал силу, которой уже ничто не пыталось противостоять, лишь беспрекословно уступало и замирало одновременно в ужасе и восхищении. Смерч вызывал именно ощущения, а не просто догадку о том, что же было изображено детской рукой.

– Хорошо рисуешь, – сказал он вслух и заметил, как дрогнули в улыбке бледные губы девчонки. – Но я не разрешал тебе рисовать на моей машине.

Улыбка исчезла, не успев появиться, зато засверкали синие глаза. «Разве они не зеленые у всех рыжих?» – вдруг подумал Клим и поморщился от собственного неуместного любопытства.

– Глазами можешь стрелять сколько угодно. Что за краска?

– Обыкновенная гуашь, – она ответила тихо, но чётко.

– Тащи воду, тряпку и смывай.

– Дождь скоро пойдёт. – Девчонка взглянула на небо и снова уставилась на Клима. – Само по себе смывается.

– Ты сделала, ты и исправишь. Иди за тряпкой.

Она упрямо задрала подбородок и осталась на месте, вцепившись тоненькими пальцами в кисточку и потрёпанный альбом. Клим смерил её взглядом, шагнул вперёд и взялся за край альбома.

– Или ты немедленно стираешь свои художества, или все твои картинки переходят ко мне.

Девочка крепче ухватилась за альбом, резко враз сглотнула и моргнула.

– Значит, непохоже получилось, – пробормотала, как показалось Климу, с досадой и выдернула альбом из его руки. – Сейчас всё принесу и смою.

Она развернулась к подъезду, но Клим придержал её за локоть.

– Что не похоже? Я же сказал, что хорошо нарисовано.

Девчонка фыркнула, сбросила его руку и скрылась за дверью.

Она вернулась очень быстро. С небольшим ведром воды, утопленной в нём тряпкой и сухим полотенцем в кулаке. Ещё быстрее смыла гуашь с крыла, протёрла насухо и, не обращая ни на кого внимания, ушла к себе домой.

– Девчушка-то, похоже, тебя нарисовала, Климат, – ткнул его в плечо Иван. – Такой же смерч, с пол-оборота закручиваешься.

В кармане джинсов завибрировал телефон. Клим дёрнулся. Захлопнул тетрадь, отложил её снова на сиденье рядом и открыл сообщение от Миланы:

«Триллер для тебя, зато я обожаю актёра в главной роли. Начало через полтора часа. Заедешь за мной?»

Он усмехнулся, не сомневаясь, что Мила успела помяться, пока раздумывала, добавить «или встретимся на месте», как делала раньше. Не добавила, жирно намекая, что хочет, чтобы он её забрал.

Клим размял шею. Расставил по дверным карманам и в держателе между сиденьями купленные ещё утром бутылки с водой. Завернул альбомную тетрадь в пакет из-под них и убрал в багажник. Этот вечер он обещал Милане, так что соседскими делами займётся позже.

Глава 4

Клим заехал во двор, и ровно в этот момент из подъезда вышла Милана. «Милка – находка для шпиона, – хмыкнул Клим, – вычислила меня в окно, но искренне удивится подобному совпадению, *пичуржка*». Он сбавил скорость, бесстыдно гуляя взглядом по её стройным ногам, обтянутым узкими джинсами, по плечу со сползающим краем свободного ворота вязаной кофты и мелькающей лялочкой, которая сливалась с кожей, но ненавязчиво указывала путь к хорошей такой, полноценной троечке, которой по шкале Клим от одного до пяти смело присуждалась твёрдая пятёрка. Красивая девка. Что есть, то есть. Формы на месте все, как он любит. Вышагивает, специально задом подкручивает и цветёт, округляя глазки. *Засранка!* Клим прикусил язык и хохотнул: так можно, это ж по-свойски, хоть и с небольшим *подъёмом* исключительно из-за восклицательного знака в конце.

Он затормозил и перегнулся через пассажирское сиденье, чтобы открыть дверцу для Миланы. Она скользнула внутрь и, тут же поймав его руку, потёрлась о неё щекой.

– Привет! Леди выгуляна и накормлена.

– Умницы. – Клим вывернул ладонь. Обхватив затылок Милы, притянул девушку к себе и напористо поцеловал в губы, пачкая их обоих её блестящей помадой.

– Клим! – якобы возмутилась Милана, сдерживая довольную улыбку, и толкнула его в грудь. – Всё размазал.

Он подмигнул и выжал сцепление.

– Я вообще-то соскучился.

Мила только что не заурчала, выгнула спину, выгодно выставляя грудь напоказ, и пристегнулась.

– Ради твоего «соскучился» надо почаще отправлять тебя в длительные командировки. – Она стрельнула в него заигрывающим взглядом и принялась стирать разводы вокруг губ.

Прежде чем они дошли до зала, у Клим несколько раз возникало желание закинуть Милу на плечо и рвануть домой или хотя бы в ближайший закуток с призывной надписью «Службное помещение». Милана провоцировала его специально. Жалась всем телом на эскалаторе, елозила по его ладони поясницей, пока он не опустил её на упругую ягодицу и не шлёпнул, чтобы угомонилась немного. Хотя – *кто* его самого поймёт сегодня, – скорее, чтобы завелась дополнительно.

Едва погас свет, она переплела их пальцы на подлокотнике, не позволив при этом откинуть его назад. Подцепила большую попкорнину и потянулась было покормить Клим, но вовремя одумалась и закинула её себе в рот. Ближе к середине фильма, который оказался очень неплох, она убрала разделитель между их креслами. Закинула ногу на колено Клим и переложила его руку себе на бедро, задавая ей направление по внутренней стороне.

– Мила, *блюдце ты с каёмочкой*, – прошипел Клим, когда её рука поползла вниз по его животу. – Какого... лешего ты творишь? Хочешь другое кино устроить? Так зрители мне не нужны. – Он снял с себя её ногу и сел иначе, пытаясь найти более удобное положение.

– Кли-им. – Милана сбросила обувь, подобрала под себя ноги и, сжав обеими руками его локоть, уткнулась подбородком в плечо. – Я, между прочим, тоже соскучилась, сильно-сильно!

– Могла бы тогда угловые места на последнем ряду выбрать, – проворчал Клим, но обнял Милку, не отказав себе в удовольствии немного оттянуть лямку лифчика через кофту и отпустить с глухим щелчком.

Милана тихо ойкнула, засмеялась и прильнула к нему. Плотно сцепила руки, словно подчёркивая, что держит их при себе. *Кошка в охотке, ёж твою ёлку*.

– Блюдечко с каёмочкой, да? – прошептала ему на ухо.

– Блюдце. – Клим легонько ущипнул её под мышкой. – Не подловишь – не надейся.

– И в мыслях не было. – Милана закатила глаза и подула на его шею.

– *C-sиди* смирно. – Клим передвинул Милу, опустил подлокотник и отвалился к противоположному краю своего кресла.

Она спрятала расплывающуюся улыбку. Переставила ведёрко с попкорном на колени и попыталась сосредоточиться на происходящем на экране.

Они с Климом познакомились на даче общих знакомых, где большой компанией отмечали начало зимы. Жарили мясо на шампурах, запекали картошку в фольге, соскребали первый снежок со всех доступных поверхностей. Милана заметила, как морщился Клим, глядя на девчонок, присасывающихся к пивным бутылкам, и ограничилась бокалом вина. Грела руки над мангалом, хотя они не мёрзли в перчатках, и всё чаще ловила на себе заинтересованные взгляды этого резкого до грубости парня. Он был за рулём и сам предложил подвезти её в город, а на следующий день встретил у салона красоты, где она работала мастером маникюра. Мила никогда не спрашивала, как и через кого Клим её нашёл, но именно тогда, когда она вышла на улицу и увидела его, небрежно опёршегося о капот сверкающей чистотой чёрной машины, внутри что-то приятно ёкнуло. И ёкало до сих пор.

Они с ним ровесники, хотя Клим часто казался старше. Как будто сразу родился взрослым. Он может подурачиться, сигануть с разбегу бомбочкой в бассейн, ввязаться в спор на слабо, но всё равно всегда остаётся ощущение, что у него всё под контролем.

Милана скосила взгляд на Клима, чей профиль чётко прорисовывался в бледном свете экрана. Он всё такой же резкий, как и в первую их встречу. Но не хам. Даже материки его не режут слух, на самом деле, потому что он использует их не чтобы оскорбить, а чтобы доходчиво донести самую суть того, что думает или чувствует. Прямо и без смягчающих намёков. Говорит как есть. Поступает так же. И сам он такой, какой есть. Она, конечно, тешила себя иллюзиями, что ей удастся его немного изменить, но только по отношению к себе самой. Чертовски приятно осознавать, что Милана обладает пусть малюсенькой, но долей власти над этим не терпящим чужой указки мужчиной.

Последние полчаса фильма Мила вела себя скромно. Её затяжные причмокивания с попкорном и вытягивание ног над пустующим впереди креслом больше веселили Клима, чем соблазняли. «Мартышка, ёгушки-воробушки», – ухмыльнулся он, придерживая Милану за поясницу, пока они спускались к выходу из зала.

Кино закончилось не поздно, но сам развлекательный центр должен был закрыться через пятнадцать минут. На первом этаже пахло пиццей. Клим вдруг понял, что не ел с обеда. Кружка чая у бабы Али не считалась, как и попкорн Милки, который он в принципе не любил. А вот от пары кусков пиццы он бы точно не отказался. Таких сочных, с тягучим сыром и не на опалённой папиросной бумаге, а с подвёрнутым толстым бортом.

– Мил, – Клим сглотнул враз скопившуюся во рту слюну, – давай заедем куда-нибудь поесть. Голодный, *больно аж*, как волк. – И сам хохотнул от того, как неловко вывернулся в этот раз.

– Снова я выбираю, куда? – Она прикусила нижнюю губу и развернулась спиной по ходу движения.

– Снова ты, – кивнул Клим, прибавляя шагу. – Если кого-нибудь снесёшь или грохнешься, сделаю вид, что мы не знакомы.

– Не сделаешь! – Мила выровнялась, подхватывая его под руку. – Ты своих не бросаешь.

– А ты не заигрывайся, чтобы не пришлось проводить профилактику. – Клим толкнул боковую дверь, не желая притормаживать из-за толпы у раздвижного прохода.

Домой они добрались ближе к полуночи. Целоваться начали, едва вошли в подъезд. Дважды пришлось отвлечься, чтобы нажать на нужную кнопку в лифте и попасть ключом в замок. Переступив порог, Милана отстранилась первой:

– Я в душ.

Как бы ей ни хотелось заставить Климата продолжить прямо в коридоре, она понимала, что ничего не выйдет. Темнота и тишина, царящие в квартире, не могли её обмануть. Она сама затылком чувствовала взгляд Леди, которая, даже будучи больной, выползала встречать Климата. А сейчас она была здорова и соскучилась по нему больше самой Милы. «Как и Клим по ней», – подсказал противный внутренний голос, который Милана предпочла не слушать, и, оставив многообещающий поцелуй на губах Климата, скрылась в ванной.

– Привет, красавица. – Клим не стал ни удерживать Милку, ни включать свет. Он присел на корточки и безошибочно ткнулся лбом в собачью морду. – Завтра утром будем долго гулять с тобой в дальнем сквере.

Леди не тягнула, не заскулила, лишь крепче прижалась ко лбу Климата, и только пробежавшая по хребту дрожь выдала завилывший хвост.

Клим погладил собаку по голове, поднялся и, раздеваясь на ходу, присоединился к Милане в ванной.

Они проснулись до будильника, но Милана решила устроить по-настоящему доброе утро, и собираться пришлось буквально по секундомеру. Клим отвёз её на работу. С его недавней подачи Мила ушла в свободное плавание и сняла отдельный кабинет. Клиенты набирались, и она начала задумываться о расширении и объединении с приятельницей.

Клим набегался с Леди в сквере, как и обещал накануне. Вернулся, накормил их обоих и запер дверь в кухню, попросив Леди его не беспокоить. Вытряхнул из пакета тетрадь Авроры на стол. Сел перед ней, гипнотизируя обложку.

Клим снова испытывал неловкость, из-за которой закрылся даже от собаки. Последнее дело залезать без спроса кому-то в дом, трусы и тем более в душу. Он был уверен, что кучерявая бабуля и даже кудрявый кот это знали, но всё же пошли на такую крайнюю меру.

Чувствуя себя взломщиком, он вновь уставился на рисунок на первой странице, на котором чёрно-белый смерч несся к радуге, неизвестно откуда взявшейся на грозовом небе.

Клим отмахнулся от воспоминаний, постучал кулаками по столу и наугад раскрыл дневник где-то немного за серединой. Перед ним предстал разворот, наполовину исписанный синей ручкой всё тем же ровным овальным почерком. Поверх текста выделялся цветок со множеством лепестков. Клим подумал, что нарисован он был красной пастой, но, зачем-то проведя по нему пальцами, понял, что линии выведены краской.

«Утром приехала мама, – прочитал Клим, скрипнул зубами и продолжил. – Раньше всегда меня тискала, заваливала вопросами, на которые не дожидалась ответов, зацеловывала и снова спрашивала обо всём подряд. А сегодня просто долго обнимала. Как будто боялась, что, если отпустит, я испарюсь. Я не стала спрашивать, на сколько она приехала. У неё отпуск, и она снова здесь – это главное».

Клим зажмурился: *«Отпуск у неё, блошины, чтобы с зелёными пацанами похороводить!»*

«Мама весь день улыбалась, но всё равно видно, что ей грустно. Затеяла приготовить настоящую, привезённую из Италии пасту со специями оттуда же и замороженными креветками из нашего местного супермаркета. Мама сама такая: с другой планеты, но сочетается и с земной бабушкиной квартирой. Мне кажется, я тоже такая. Знать бы ещё, где моя планета».

Перед сном мама забралась ко мне на кровать и рассказала про папу. Так странно вышло. Она упрямо обозначает его моим отцом, а мне легко называть его папой, хотя я ни разу в жизни его не видела».

Отступ сантиметра в полтора и дальше:

«За окном глубокая ночь, густая, как гуашь, окрашенная каплей пигментных чернил. Никак не спится. Всё думаю о маме. О папе тоже немного. Братишка пришёл. Шерсть с одного бока влажная. Значит, бабушка тоже не спит, а плачет втихушку».

Почему взрослые такие несчастные? Мама, папа, бабаАля... Класная наша Наташсанна... Его мама ведь такая же... – Клим перечитал предыдущие строки, не улавливая, чья ещё мама с подчёркнутым “его” вдруг появилась, но так и не нашёл подходящего объяснения. – *Бабушка говорит, что на нас родовое проклятье по имени на букву “А”. Только это всё ерунда. Зачем взрослые сами портят себе жизнь, страдая о том, что было, или заранее переживая о том, что может быть? Не хочу становиться такой взрослой».*

Текст обрывался на середине страницы, но Клим не мог заставить себя перелистнуть на следующую. Сидел и пялился на строки, доверенные бумаге молчаливой рыжей девчонкой.

Воткнутые как попало картонки опять грозили выпасть. Он резко вытащил их все. Четыре штуки. Перетасовал, не глядя. Развернул веером и в очередной раз завис.

На первой был изображён его автомобиль сверху, прорисованный вплоть до тополиного пуха на крыше и бликов на лобовом стекле.

На втором на спинке старой скамейки сидел он сам, долговязый подросток, настороженный и готовый в любую секунду сорваться, куда бы ни понадобилось, прячущий в ладони тлеющий окурок.

На третьей – мальчишеский силуэт на тополе в ночи, будто выхваченный желтоватыми листьями, отражающими свет из окон. Клим узнал себя в то время, когда выбирался с балкона на крепкую ветвь, а с неё по стволу вниз, сбегая из дома без предупреждения.

С четвёртой смотрел опять он, но уже взрослый, чуть хмурый, сосредоточенный. Монохромный рисунок чёрной краской. Тем необычнее смотрелся свет вокруг изображённого Клина, словно призванный подчеркнуть резкие контуры и тени.

«*Песец!* Только влюблённой малолетки мне и не хватало», – раздражённо проговорил Клим, сунул картонки в раскрытый разворот и захлопнул тетрадь.

Глава 5

Зло вдавив ни в чём не повинную кнопку входного звонка, Клим осознал, что явился наобум. Однако, не успев стукнуть по косяку с досады, он услышал щелчок замка.

Все та же картина: его встретили женщина и кот. Только в этот раз смотрели они по-другому, но разобраться с их ожиданиями Клим не собирался.

Он шагнул внутрь, бесцеремонно потеснив хозяйку и заворчавшего кудряша, прикрыл за собой дверь. Ударил по выключателю, мельком поразившись, что, похоже, бабуля сама видит в темноте, как кошка. Сдержанно подал Алевтине Васильевне синюю тетрадь и взялся за дверную ручку.

– Хотите побыть сводней – найдите другого женишка.

Внезапный странный звук заставил Клима оглянуться. Братишка распушился, подняв дыбом шерсть, и оскалился, издавая монотонное шипение. Казалось, его хвост случайно воткнули в розетку, и кота шарахнуло током, превратив в большую шаровую молнию с рваными краями. Можно было бы рассмеяться, если бы не грозная морда, определённо дающая понять ничтожному человечешку, что уходить таким образом не стоит.

Баба Аля наклонилась и похлопала кота по выгнутой дугой спине:

– Тише, Братишка. На роду нам, видать, написано, чтоб все наши мужики, кроме тебя, крепки задним умом были.

Она тяжело вздохнула и подняла на Клима взгляд, полный такой нестерпимой тоски, что он поперхнулся готовым сорваться с языка язвительным ответом.

– Давай честно. – Баба Аля прижала тетрадь к груди. – Дальше картонок не смотрел?

Клим скривил губы, но признался:

– Глянул ещё первую страницу и парочку в середине. Чтобы вы знали, я вашу Аврору никак и ничем не поощрял. Имя-то её узнал буквально вчера вместе с вашим.

– Пойдём. – Старушка цепко взяла Клима за руку и потянула за собой на кухню.

Он напрягся, сопротивляясь. Она обернулась.

– Не будешь же ты от старухи отбиваться? – Она крепче сжала сухие пальцы вокруг его ладони. – Обещаю, надолго не задержу.

Клим чертыхнулся про себя, скинул кроссовки и последовал за упрямой бабкой, так и не выпустившей его руки.

Алевтина Васильевна усадила Клима на тот же стул, что и в прошлый раз, плюхнула тетрадь на стол перед ним и встала рядом. Проворно пролистав несколько страниц, молча указала узловатым пальцем на открывшийся рисунок их тёмного двора, размытые очертания которого легко угадывались в первых солнечных лучах на рассвете. Перевернула ещё несколько листов до новой картинке, на которой по пыльному стеклу ползла божья коровка.

– Помню, увидела и сразу пошла окна протирать, – тепло улыбнулась баба Аля, а Клим вдруг поймал себя на мысли, что всегда считал пыль серой – уж точно без золотого и серебряного блеска, как на рисунке.

Бабуля уже перебирала лист за листом дальше. Подряд друг за другом, не разбавленные текстом, шли изображения Братишки в его бытность котёнком, женщины в строгом платье, ветки, покрытой инеем, и тазика с зажаристыми пирожками.

Клим остановил бабу Алю и вернулся к рисунку с женщиной. Выпрямился, узнавая в ней собственную мать. Тот же наряд под горло и по фигуре, те же идеально уложенные волосы, тот же взгляд, устремлённый прямо перед собой. Он склонился над рисунком. Наверное, краска выцвела или, может, художница нечаянно капнула водой, потому что на щеке женщины явно проступал след от скатившейся слезы, а его мать никогда не плакала. Во всяком случае, при

нём. Клим резко откинулся на спинку стула, вспоминая, что она не проронила ни слезинки даже на похоронах бабушки.

– Зачем вы мне всё это показываете? – спросил он отчего-то хрипло и прочистил горло.

– Сколько картонок здесь вложено? – не обращая внимания на его грубость, спросила баба Аля.

– Четыре, – отчеканил он.

– А сколько ещё рисунков мы уже нашли?

Клим молчал, не желая больше играть в дурацкие загадки.

– Ни на одном из них тебя нет, заметил, горе-женишок?

– То есть отдельная галерея посвящена мне чисто случайно? – Он выдернул злополучные картонки и рассыпал их по столу. – И среди «всех ваших мужиков», – Клим выплюнул фразу, сказанную соседкой ранее, – я очутился абсолютно нечаянно? К слову пришлось, да, баба Аля? – Он поднялся и навис над старушкой, чувствуя себя великаном рядом с гномом. – Или говорите толком, что за помощь от меня нужна, или идите... – Он шумно выдохнул и закончил иначе: – Или я заношу ваш номер в чёрный список, и только попробуйте ещё раз ко мне сунуться.

Женщина вздрогнула и осела на край второго стула, при этом даже не задев кошачью подушечку на нём. Прозрачные руки упали на острые коленки, а сама она сильно побледнела.

Клим скрипнул зубами, налил воды из чайника в первую попавшуюся под руку кружку и поставил перед бабой Алей. Она к ней не притронулась, но кивнула в знак благодарности.

– Мы вообще живучие женщины. Арианка, я, моя мать. Да и бабка с прабабкой, насколько знаю. Мужика выбираем рано и бодем им одним потом всю жизнь. Наказание это или награда, одному ему, – она обречённо взглянула вверх, – известно. Ни одной из нас не было бы, если бы краткое всепоглощающее счастье не оправдывало долгие мучения между его вспышками.

Голос бабы Али звучал так тихо, что Климу пришлось снова сесть на стул и наярять слух. Их взгляды пересеклись. Алевтина Васильевна печально улыбнулась:

– Аврора влюблена в тебя, не спорю. Но она другая. Искать встреч с тобой не будет. И ты другой. Слишком прямолинейный, чтобы водить её за нос. Не знаю, что моей девочке уготовано судьбой, но пока ты для неё ориентир. – Дряблые щёки порозовели, и баба Аля подалась немного вперёд. – Рора в больнице. Я не прошу тебя за ней ухаживать или возиться с её влюблённостью. Просто побудь у неё на виду, помельтеши поблизости, перекинься парой слов, чтобы она захотела оттуда выйти.

Клим заехал на битком забитую больничную парковку. Втиснулся в зазор между криво раскорячившейся крохотулькой и тротуаром.

Баба Аля наотрез отказалась ехать с ним, как и рассказывать причину, по которой её внучка оказалась в больнице. «Я и так влезла в непозволительно многое, – упёрлась она. – Уверена, причину её недуга ты поймёшь сам. Не дурак, хотя и тугодум. – И махнула морщинистой ладошкой, мол, поздно, Климка, обижаться. – Рора не должна видеть меня вместе с тобой сейчас. А ты уж постарайся притвориться, что ваша встреча случайна».

«Притвориться», – Клим покатал слово на языке. Он терпеть не мог враньё. Не то чтобы он был святошей, но с правдой ему всегда было легче. Бывало, конечно, перед бабушкой скрыничал, делишки проворачивали с Иваном мутные, Милке вон не всё рассказывает. Но смолчать или чужую тайну сохранить – это другое. Специально, а уж тем более чтобы себя выгородить, он старался не лгать и на прямые вопросы всегда отвечает честно. Иначе жрёт его изнутри ложь, покоя не даёт. «*Блэк-ред-грин²*», – выдохнул Клим и вышел из машины.

² Звуковая отсылка к английским словам, обозначающим чёрный, красный и зелёный цвета: «black, red, green».

Он не спрашивал, кому позвонила баба Аля, но у входа его уже ждала дородная женщина лет сорока в белом халате и шапочке, надвинутой до самых бровей.

– Клим? – уточнила она, окинув его цепким взглядом с головы до ног.

Он кивнул, а врачиха вдруг широко улыбнулась.

– Алевтина Васильевна всё время удивляется, в кого внучка у неё так талантливо рисует, а сама каждый раз подмечает что-то с художественной точностью. Ты, – она подмигнула, – не обессуди, я со всеми на ты. Так вот, ты как подъехал, я сразу тебя узнала: *«нахохлившийся парень, ростом с тебя, но покажется выше»*. – Женщина очень похоже процитировала бабу Алю и подала Климу руку. – Алёна Игоревна, лечащий врач Авроры.

Клим молча пожал крупную тёплую ладонь.

– Травматология у нас под урологией, но, с учётом нумерации с нулевым и цоколем, мы здесь сами этажи периодически путаем, – перешла к делу Алёна Игоревна, заводя Клима в кабинет без названия. – Можешь на это и сослаться, как будто приехал товарища попроведать, а лифт тебя не туда довёз. – Она собрала бахилы и халат и разом всучила их Климу. – Надевай. Провожу тебя. Палата 403. Ну а там дальше уже сам. – Она достала из кармана большое жёлтое яблоко. – Держи, а то с пустыми руками обычно никого тут не навещают.

– Спасибо, – на автомате пробормотал Клим, принимая яблоко. Покрутил его в руке и протянул обратно. – Провальная идея, и вы это понимаете.

Алёна Игоревна шагнула к нему и внимательно посмотрела в глаза.

– Если бы я каждый раз отказывалась от пациента, потому что изначально считала случай провальным, вот это и был бы настоящий провал. – Она отступила и показала на яблоко: – Не пригодится – сам съешь. Витаминчики не повредят.

Они поднялись на четвёртый этаж. Алёна Игоревна похлопала Клима по плечу и вытолкнула из лифта. Створки закрылись позади него, как будто окончательно отрезав пути к отступлению, если бы он всё-таки передумал. Только как тут передумаешь, когда бесцветные глаза бабы Али беззвучно молили его хотя бы попытаться что-то сделать. Самого же теперь от себя стошнит, если не попробует. Что попробовать – Клим не знал. Решив действовать по обстоятельствам, он двинулся по коридору.

Брякнул костяшками в дверь и ввалился в палату.

– Здорово, мужики... – Осёкся очень натурально, потому что на него в упор без всякого испуга уставились знакомые синие глаза.

Клим тоже уставился на девушку, сидящую на кровати поверх одеяла. Знакомыми в ней остались только глаза да рыжесть. Из мелкой худой девчонки она превратилась в девушку. Худую, но не костлявую. Под больничной сорочкой явно угадывалась грудь. Вытянутые ноги казались очень длинными, а большие шерстяные носки усиливали контраст между ними и бледной кожей. Тонкая шея незащитно виднелась из круглого выреза. Левая рука, на которой просвечивали голубые вёнки, сжимала край покрывала. Волосы как будто стали темнее. Они были распущены, но убраны за уши и открывали пожелтевший синяк над левой бровью. На лице угадывались тусклые веснушки.

«Вроде цела и почти невредима, – произвольно отметил Клим. – Но, может, с головой не того, раз лобешником где-то припечаталась».

Аврора смотрела на него, ничего не спрашивая. Да и что она должна была спросить, если именно он припёрся к ней в палату? Клим разозлился из-за того, что мнётся на пороге, проглотив язык. Отклонился, глянул на номер на двери и ухмыльнулся, как придурок.

– По ходу, ошибся не только палатой, но и этажом. Прости. – Не получалось ей выкать, поэтому добавил сразу, чтобы не притягивать за уши предлог задержаться: – Прости, малява.

Девушка не шелохнулась, но её щёки порозовели.

«Значит, узнала», – решил Клим и вошёл в палату, оставляя дверь приоткрытой, поскольку его всё же никто не приглашал.

– Не узнаёшь меня? – спросил он, теряя терпение.

– Узнаю, – ответила она, а появившийся было румянец снова полностью исчез. – Странно, что ты меня узнал.

– Почему странно? – Клим нахмурился.

– Я же намного младше, и мы почти не общались, – спокойно пояснила Аврора, словно и так всё было очевидно.

– И что? Ты моя бывшая соседка по подъезду.

Она моргнула дважды подряд. «Наверное, удивилась», – подумал Клим и продолжил:

– Рисовала на лестнице, на карусели, лавке, развилке дерева во дворе. На стенах гаражей, чем доводила их хозяев до припадка. На моей машине. – Он выделил голосом последнюю фразу. – Такое точно не забывается.

Клим ожидал, что она улыбнётся, но девушка кивнула, тихо произнесла: «Чем выводила тебя из себя», – и отвернулась к окну.

Что ж, самое время ему уйти. Помельтешил, перебросился парой фраз, как просили, – и молодец. Девчонка явно не нуждается в его компании.

Только Клим уже успел обойти кровать и встать, загоразивая окно. Собирался возмутиться, что его, конечно, не звали, но по-хамски нос воротить с ним не прокатит. Даже рот открыл, но увидел её правую руку, лежащую вдоль тела. Та была зафиксирована в гипсе от середины локтя до пальцев. Аврора – правша, в этом он не сомневался.

Она молча подняла покалеченную руку, и Клим онемел. Её пальцы оставались свободными, но указательный и средний, оба плотно перебинтованные, однозначно были короче безымянного.

Глава 6

– Все, чьё имущество я портила своими рисунками, отомщены, как видишь. – Аврора снова опустила руку на кровать.

Клим готов был свою болтовню про рисование затолкать назад себе в глотку. Но ведь он не знал, не хотел надавить на самое больное.

– Что с тобой случилось? – спросил он, неотрывно пялясь на гипс.

– Нелепость, – просто ответила она.

Клим перевёл взгляд на лицо девушки, которое сохраняло отрешённое выражение.

– Прости за прямоту, но лишиться пальцев – это не нелепость.

Аврора слегка дёрнула плечами и грустно усмехнулась:

– Тогда нелепая авария. Курьер на велосипеде не заметил, что я выхожу из арки дома. Мы столкнулись. Он чуть не свалился с велика, но удержал равновесие. Обозвал меня и уехал. А я оступилась с бордюра и неловко упала на дорогу. – Она задрала подол чуть выше, открывая продолговатый фиолетовый кровоподтёк на бедре. – Выставила руки, чтобы не пробороздить носом асфальт. Люк канализационного колодца расшатался, и я умудрилась попасть пальцами в зазор. Сильно ободрала кожу. Когда обрабатывают, щиплет так, будто соединили все кислотные оттенки и заставляют на них смотреть, не моргая. – Аврора расправила смятую сорочку. – Последнее, что помню, – колесо. Машина сдала назад и наехала на этот же люк. Водитель меня, наверняка, даже не заметил. Зато люк сдвинулся и ржавым краем... – Девушка замолчала, а Клим приготовился к её слезам, но она его удивила, продолжив так же спокойно: – Рыжее нашло рыжее. И теперь у меня восемь отпечатков пальцев.

Пока Аврора рассказывала, Клим мысленно прошёлся по всем аркам их двора и пары прилегающих к нему. Он не сомневался, что Колос сразу сообщил бы ему о подобном.

– Где это произошло?

– За фонтанным парком у дома, на который не хватило краски...

Клим собрался было уточнить, что за дом такой, но вдруг понял, что очень чётко представляет описанное Авророй место. В прошлом году местные власти привели старый парк в божеский вид и запустили в нём три фонтана. Народ оценил их подарок и моментально прозвал парк фонтанным. Напротив его главного входа через дорогу стоял многоквартирный дом, фасад которого покрасили, чтобы показать целевое использование городского бюджета. Только в цифрах явно что-то не сошлось, и последнюю полосу в три этажа в полметра шириной до сих пор покрывала облезшая штукатурка.

«Далековато от нашего района», – прикинул Клим, вспоминая слова Колоса о том, что у соседских катаются залётные ребята, и спросил:

– Когда?

– Когда что? – Аврора озадаченно смотрела на него.

– Ну, в какой день ты попала в аварию? – И, не удержавшись, добавил: – А что ещё может быть «когда»?

Она удивлённо улыбнулась ему, как взрослому, который весь такой из себя умный, а не знает ответа на простой детский вопрос:

– Например, когда меня нашли, когда привезли в больницу, когда снимут гипс.

Все варианты подходили, но раз речь шла об аварии, то логично, что и «когда» было про неё же. Но и то, что перечислила Аврора, тоже связано с аварией. Клим тряхнул головой, чтобы совсем не запутаться, и повторил:

– В какой день ты попала в аварию?

– Тот день был невесомо-розовым, но его неожиданно изуродовали тяжеловесно-красным.

– Потеряла много крови? – Клим честно пытался не закатить глаза и разобраться, зачем отвечать так сложно, когда можно просто назвать среду или пятницу: «Девчонка точно по полной приложилась головёхой».

– Я не видела. Потеряла сознание раньше, – серьёзно пояснила Аврора и продолжила: – Как будто внезапно схватили самую едкую краску и размашисто перечеркнули нарисованное на холсте. Авария похожа на красные мазки, которые испортили картину, написанную в розовом. Цвета вроде бы родственные, но совсем не сочетаются. – Она задумалась, её взгляд, направленный словно внутрь себя, вновь сосредоточился на Климе. – Прости, я иногда увлекаюсь и забываю, что другие видят вещи иначе. Всё произошло четыре дня назад. Значит, в понедель-

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.